

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье освещаются актуальные вопросы, относящиеся к проблемам назначения уголовного судопроизводства.

Итоги судебной реформы в сфере уголовной юстиции, формально завершившейся принятием в 2001 году УПК РФ, являются сегодня одной из основных тем обсуждения в научных кругах.

Текст нового уголовно-процессуального закона в известной степени стал неожиданностью для ученых и правоприменителей [1].

Анализ многочисленных точек зрения процессуалистов относительно жизнеспособности и эффективности УПК РФ позволяет выявить определенные тенденции в оценке законодательной деятельности. В частности, большинство ученых-юристов сходятся во мнении о необоснованном включении в отечественное уголовно-процессуальное законодательство ряда зарубежных институтов, искусственно ориентирующих российский уголовный процесс (традиционно являющийся смешанным) на состязательную модель.

Характеризуя значимость Уставов Уголовного судопроизводства 1864 года, известный российский процессуалист И.Я. Фойницкий писал: «В нашем новом процессе есть много сходного с английским и особенно французским, в общих очертаниях он приближается к тому же типу, который выработан этими лучшими представителями европейской культуры, и устанавливает наши родственные с ней отношения. Но в то же время почти ни один процессуальный институт уставов не может быть признан ни английским, ни французским; на каждом из них лежит печать самобытности, каждый из них имеет самостоятельную, русскую физиономию, **приноровленную к русским нуждам, непонятную без изучения русских условий** (выделено нами. – *И. Т.*)» [2].

К сожалению, практика применения УПК РФ выявила несостоятельность законодателя в создании кодекса, отвечающего потребностям современного общества.

Одним из моментов, на которые в этой связи хотелось бы обратить внимание, являются нормы о назначении отечественного уголовного процесса.

С этимологических позиций термины «назначение» и «задача» не являются синонимами и определяются соответственно как цель, то есть конечный результат, к которому стремятся, и нечто, требующее разрешения.

Действительно, для того, чтобы достичь определенного результата в ходе осуществления любой, в том числе и процессуальной, деятельности, необходимо решить ряд вопросов (задач). Именно задачи, поставленные перед уголовным судопроизводством, по мнению Л.Д. Кокорева, обуславливают достижение его целей [3].

Исходя из данных посылок, можно заключить, что назначение уголовного судопроизводства, отвечающего последним конституционным прерогативам в области охраны прав и интересов личности, в полной мере должно достигаться в ходе осуществления всей процессуальной деятельности правоохранительных органов и суда.

Однако ряд предпринятых законодателем нововведений привел к некоторой дезорганизации, усложнив вопрос, касающийся постановки конкретных задач, что в свою очередь осложнило процесс определения типа современного процесса.

Уголовный процесс любого государства предполагает обязанность ограждения личности от преступных посягательств, что означает нацеленность в конечном итоге на защиту интересов гражданина, так или иначе вовлеченного в уголовное судопроизводство. Как было отмечено в руководстве Международной амнистии по справедливому судопроизводству, каждый уголовный процесс является проверкой уважения государством прав человека [4]. При этом «анализ законодательства РФ и международного права, рег-

ламентирующих защиту прав участников уголовного процесса, показывает, что они преимущественно направлены на обеспечение защиты лиц, нарушающих закон, – подозреваемых и обвиняемых» [5].

Эта тенденция проявилась и в новом уголовно-процессуальном законе. По утверждению практических работников, часто «обвиняемый – царь и бог в уголовном процессе», тогда как интересы жертв преступления продолжают оставаться в тени.

Несомненно, стремление законодателя привести нормы российского закона в соответствие с международно-правовыми актами и тем самым приблизить отечественное уголовное судопроизводство к мировому уровню заслуживает положительной оценки. В этой связи отрадно, что часть 1 ст. 6 УПК РФ, следуя конституционным предписаниям, ориентирует правоприменителя на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Однако при конструировании новой модели кодекса, на наш взгляд, был допущен ряд ошибок, основанных на неправильном понимании роли уголовно-процессуальной деятельности в урегулировании возникающего при совершении преступления конфликта.

В частности, анализ норм Уголовно-процессуального кодекса РФ приводит к мысли о стремлении законодателя изменить традиционный – смешанный российский уголовный процесс, вдохнуть в него идеи, на протяжении веков естественным образом пронизывающие англосаксонскую систему права, где в судопроизводстве характерным является стремление к «доказанности», а не к «истине» [6].

Как отмечает профессор Оксфордского университета Э. Сандерс, для англосаксонской системы права безразличны публичные интересы и цели достижения истины во что бы то ни стало, которые ставятся во главу угла моделью уголовного судопроизводства государства континентальной Европы [7, с. 45].

Тем не менее, высказанное суждение сегодня во многом может быть если не опровергнуто, то в некоторой степени скорректи-

ровано с учетом происходящих в этих странах изменений. В частности, четко просматривается стремление Англии и США оптимизировать уголовное судопроизводство, сделать его способным отвечать потребностям современного общества в сфере защиты прав не только подозреваемых и обвиняемых, но и лиц, потерпевших от преступлений. Например, в пункте 102 Федеральных правил доказывания, одобренных Верховным судом США, говорится: «Настоящие правила должны толковаться так, чтобы обеспечивались беспристрастность при их осуществлении, устранение неоправданных расходов и затрат времени, а также упрочение и совершенствование доказательственного права, с тем **чтобы в конечном счете могла устанавливаться истина и разрешались справедливо возникающие вопросы** (выд. нами. – И.Т.)» [7, с. 213].

Таким образом, как отмечают К.Ф. Гущенко, Л.В. Головкин и Б.А. Филимонов, термин «истина» и ориентация на ее установление судами при разрешении конкретных уголовных дел признаются не только в научных исследованиях и практических пособиях. В изданных в последние десятилетия XX в. американских законах и иных весьма авторитетных правовых актах довольно часто можно встретить предписания, исходящие из того, что по уголовным делам должна устанавливаться истина [7, с. 212].

Как видим, отечественный законодатель, не принимая во внимание не только российских традиций, менталитета и общественных потребностей, но и мировых тенденций, старательно «очистил» новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ от вышеназванной категории.

Вместе с тем исключение из текста закона принципа всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела привело к ряду негативных последствий, таких, как не вполне корректное распространение принципа состязательности на досудебное производство по уголовному делу (ч. 1 ст. 15 УПК РФ), трансформация положения о свободной оценке доказательств (ст. 71 УПК РСФСР и ст. 17 УПК РФ), изменение роли председательствующего в судебном за-

седании (ст. 243 УПК РСФСР и ст. 243 УПК РФ), сделавших невозможным разрешение содержащейся в ст. 2 УПК РСФСР задачи быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона.

Рассматривая с этих законодательных позиций задачи уголовного процесса, невольно можно прийти к ошибочному выводу о логичности исключения из их числа быстрого и полного раскрытия преступлений и изобличения лиц, их совершивших.

Другой составляющей данной проблемы является то, что уголовный процесс – это один из видов правоохранительной деятельности государства. Как справедливо отмечает А.Н. Харитонов, обязанность органов уголовного судопроизводства по раскрытию преступлений, установлению и привлечению к ответственности лиц, их совершивших, образует важное начало современного российского уголовного процесса, именуемого публичностью. Именно публичное начало лежит в основе абсолютного большинства мер уголовно-процессуального принуждения, допускаемых законом для достижения главной цели – установления истины в ходе расследования каждого уголовного дела [8].

Подобный подход прослеживается и в германском законодательстве, где государство берет на себя ответственность по разрешению возникшего в обществе конфликта при минимальном вторжении в сферу личной свободы граждан. Одной из основных задач уголовного судопроизводства Германии, в частности, выступает изобличение и наказание виновных и тем самым – защита общества от преступных посягательств [9].

Подводя итоги нашим размышлениям, заметим, что только раскрыв преступление, изобличив действительно виновного в его совершении и назначив ему справедливое наказание, на наш взгляд, можно достичь поставленной цели, обозначенной в ст. 6 УПК РФ. Интересно, что аналогичная задача (с теми или иными корректировками) все же сохранила свои позиции в уголовном судопроизводстве ряда стран ближнего зарубежья (ст. 8 УПК Республики Казахстан, ст. 7 УПК Республики Беларусь). К сожалению, отечественные законодатели оказались в этом вопросе менее последовательны, что привело к известной несостоятельности, декларативности положения о защите личности от преступных посягательств.

Список использованной литературы:

1. Азаров, В.А. Цели нового российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения: Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: НОУ ВПО «Омский юридический институт», 2003. – С. 9; Деришев, Ю.В. Философия досудебного производства // Досудебное производство: (Актуальные вопросы теории и практики): материалы науч.-практич. конф. – Омск, 2002. – С. 91-93.
2. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1996. – С. 44.
3. Кокорев, Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. – Воронеж, 1971. – С. 73.
4. Международная Амнистия: руководство по справедливому судопроизводству. – М., 2003. – С. 3.
5. Волженкина, В.М. Европейская конвенция о защите прав человека и российский уголовный процесс. – СПб., 1998. – С. 31.
6. Гуценко, К.Ф., Головкин, Л.В., Филимонов, Б.А. Уголовный процесс западных государств. – М., 2002. – С. 45.
7. Sanders A. From Suspect to Trial // The Oxford Handbook of Criminology. Oxford, 1994. P. 773. Цит. по: Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч.
8. Харитонов, А.Н. Государственный контроль над преступностью. – Омск, 1997. – С. 134-135. Аналогичный взгляд на уголовный процесс отмечен также в статье В.А. Азарова «Цели нового российского уголовного судопроизводства» / Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения: межвузовский сборник научных трудов. – Омск: НОУ ВПО «Омский юридический институт», 2003. – С. 3-10.
9. Гуценко, К.Ф., Головкин, Л.В., Филимонов, Б.А. Указ. соч. – С. 405.